

— Да, — ответил тот человек, протянув руку и коснувшись его лица, покрытого холодным потом. Он хотел что-то сказать, но промолчал, а затем тихо произнес:

— Ты выглядишь рассеянным. Неужели я вчера вечером... вчера вечером был слишком необуздан?

— Кх-кх-кх... — Сы Хуай закашлялся, дыхание застряло в горле. «Лин Цзюнь» обнял его, мягко поглаживая по спине.

Сы Хуай, прижавшись к его плечу, почувствовал холод, пробежавший по всему телу. Он медленно огляделся, и обстановка комнаты показалась ему до боли знакомой. Всё вокруг словно слилось с воспоминаниями о келье в храме Минхуа, которую он видел триста лет назад.

— Это храм Минхуа?! А... а где настоятель?

— Он ведет утренние занятия с учениками. Ты, наверное, еще не проснулся как следует?

Нет... Сы Хуай покачал головой, взял его за плечи и внимательно посмотрел в лицо. Черты его были теми самыми, что навсегда запечатлелись в его памяти, но что-то всё же было не так.

Храм Минхуа был сожжен им самим триста лет назад, настоятель убит его мечом, а Лин Цзюнь... он видел, как тот умер. Все эти события не могли быть просто сном после пьянки.

Он коснулся лица того человека, ощутив тепло под пальцами, и не мог понять, сон это или реальность.

— Мы вчера пили вино? — осторожно спросил Сы Хуай.

— Да, — произнес Лин Цзюнь, произнося буддийскую молитву, и взял руку Сы Хуая в свои ладони, слегка подышав на холодные кончики пальцев, согревая их. — Вчера я был слишком необуздан, и ты устал.

Голова Сы Хуая пульсировала от боли. Он действительно был близок с Лин Цзюнем, но не помнил, чтобы между ними было что-то настолько нежное и трогательное.

— Вчера ты спросил, хочу ли я провести с тобой всю жизнь, — Лин Цзюнь посмотрел ему в глаза и вдруг улыбнулся. — Если тебе нравится, давай так и будем?

Вся жизнь — это слишком долгое обещание, которое он никогда не осмеливался дать и не решался спросить у Лин Цзюня.

Сы Хуай облизнул сухие губы, сдерживая желание сжать его руку в ответ, и с трудом выдавил:

— Ты хочешь быть со мной? А как же твой Будда? А те, кого ты должен спасти?

Лин Цзюнь покачал головой, крепче сжал его руку и сказал:

— Сегодня я понял, что ты для меня важнее всех остальных.

Сердце Сы Хуая сжалось, а глаза, наполненные слезами, постепенно прояснились. Взгляд его стал холодным, и Лин Цзюнь, заметив это, отпустил его руку и отступил.

— Он бы такого не сказал. Кто ты такой?

— Я — он! Я — Лин Цзюнь! — тот человек продолжал улыбаться, но его слова звучали всё более зыбко.

— Кто ты такой?! — Сы Хуай резко взглянул на него, в руке уже сформировался сгусток ци, который он с силой ударил о землю, создав волну энергии.

— Я — он! Тот, кто в твоём сердце!

Человек перед ним, охваченный волной энергии, превратился в размытый образ, оставив лишь слово «он», витающее в воздухе.

Вокруг всё резко изменилось. Яркий свет сменился тьмой, обстановка комнаты словно растворилась, превратившись в обычную гостевую комнату семьи Шэн.

Сы Хуай, полулежа на кровати, вытер кровь с уголка рта. Его глаза всё ещё светились холодным голубым светом, когда он посмотрел на человека в черном плаще, стоящего у изголовья.

Тот, похоже, был удивлен, что Сы Хуай проснулся от сна. Рука, державшая кисть, дрогнула, и нефритовая кисть, излучающая сияние, чуть не выпала из его пальцев.

— Почему на тебе нет следов жизни? Кто ты такой?

— Ты приходишь ко мне посреди ночи и спрашиваешь, кто я? — Сы Хуай потянулся, встал с кровати, и в его руке появился веер, на котором красовались слова «Летающие цветы, догоняющие луну».

— Неужели действительно возможно убить человека во сне? Как ты забираешь их годы жизни и кому ты их отдаешь?

Тот человек прикрыл рот рукой и тихо засмеялся, загадочно произнеся:

— У каждого есть то, чего он хочет, но не может получить. Я просто добавляю несколько штрихов, превращая это в прекрасный сон, из которого человек не хочет просыпаться. Если они не хотят просыпаться, то зачем им эти годы жизни?

— Сон — это всего лишь сон, как бы ты его ни рисовал, это лишь иллюзия.

— Ты сам не хотел погрузиться в этот сон? В снах есть то, чего нельзя достичь в реальности, поэтому многие не хотят просыпаться. Я не заставлял их умирать, они сами отказались от этого мучительного мира.

Человек вращал нефритовую кисть в пальцах, опустил капюшон и медленно обошел Сы Хуая.

— Ты не должен был просыпаться. То, что ты ищешь в этой жизни, можно найти только во сне. Отдай мне свои годы жизни, и я исполню твои желания.

Сы Хуай пожал плечами, грациозно размахивая веером.

Просить у человека, умершего сотни лет назад, его годы жизни — это действительно слишком.

Он проигнорировал вторую часть фразы и с усмешкой спросил:

— Если бы я не проснулся, я бы умер с улыбкой во сне, как те люди? Господин Линь?

Человек, не ожидавший, что Сы Хуай раскроет его личность, вдруг о чем-то вспомнил, его лицо потемнело, и он спрятал кисть в рукав, собираясь уйти.

Едва он коснулся дверной задвижки, как дверь с грохотом распахнулась, и его отбросило назад.

У входа стояли десяток учеников семьи Шэн в своих традиционных одеждах. Тот, кто открыл дверь, кивнул Сы Хуаю и вежливо сказал:

— Прошу прощения.

Затем он отошел в сторону, освобождая проход.

Сы Хуай медленно подошел к столу и зажег свечу. Обернувшись, он увидел, как старый патриарх Шэн вошел в комнату вместе с Шэн Ланьчу и Шэн Цзиньчэном, за ними следовали молодой господин Дунъян и монах У Нянь.

Патриарх Шэн остановился перед тем человеком, его лицо было мрачным. Он поднял руку, но опустил её, так и не осмелившись снять капюшон и увидеть лицо, скрытое под ним.

— Мы дружили десять лет, я доверил тебе своего единственного сына, чтобы ты его учил, но никогда не думал, что ты способен на такие злодеяния!

— Хе-хе... хе-хе-хе... — тот человек рассмеялся, взглянув на горящую свечу, и сам снял капюшон. Его холодный, злобный взгляд упал на У Няня, стоящего позади, и он слегка удивился:

— Это ты привел сюда людей?

У Нянь ничего не ответил, лишь взглянул на бледного Сы Хуая и тихо произнес:

— Амитофо.

— Даже без него ты сегодня не уйдешь, господин Линь, — твердо сказал Шэн Цзиньчэн, его глаза были полны сложных эмоций, удерживая того, кто хотел повернуться и убежать.

Это был его учитель, с которым он познакомился с детства, научивший его многим жизненным принципам. Как он мог связать его с этим убийцей?

— Сегодняшний ужин был устроен ради меня? — господин Линь оглядел присутствующих, подтверждая свои подозрения.

Если бы его специально пригласили, он бы заподозрил неладное, но этот ужин был устроен в честь молодого господина Дунъяна, приехавшего издалека. Патриарх Шэн пригласил своего старого друга посмотреть на будущего зятя, и он не смог отказаться.

— Всего за два дня, как вы узнали, что это я? И как вы поняли, что я сегодня нападу?

— То, что смог найти монах, смогли найти и ученики Равнины Саньму, — холодно произнесла Шэн Ланьчу, скрестив руки на груди и намеренно избегая его взгляда.

— За эти годы на западе города Фэнмянь погибло больше людей, чем в других районах, а вы как раз живете на западе. Если копнуть глубже, такие смерти с улыбкой на лице начали происходить в Фэнмяне примерно десять лет назад, а вы как раз приехали сюда десять лет

назад. Недавно, когда произошли эти инциденты, кроме этого монаха, там были только вы. Совпадение, не так ли?

В комнате наступила тишина. У Нянь стоял в стороне, тихо читая молитвы, словно речь шла не о нем.

□ В тексте упоминается «хайцин» — это название одежды, которую носят монахи.

Автор признается, что, описывая этот сон, он уже представлял себе настоящую сцену.

<http://bllate.org/book/16805/1545854>